

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий

Ульянина О.А.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: ulyaninaoa@mgppu.ru*

Александрова Л.А.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: Ladaleksandrova@mail.ru*

Дмитриева С.О.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
Государственный университет «Дубна», г. Дубна, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1012-5948> e-mail: dmitrievaso@mgppu.ru*

Цель. Проанализировать особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий.

Контекст и актуальность. Данные исследований, преимущественно зарубежных, свидетельствуют о высокой распространенности у детей, вовлеченных в последствия боевых действий или проживающих в зоне военных конфликтов, нарушений различной степени выраженности, от легких проблем адаптации до симптомов посттравматического стрессового расстройства (далее — ПТСР). Такие дети нуждаются в адресной психологической помощи. Исследований, посвященных анализу влияния, которое оказывает боевые действия на детей разных возрастных групп, на сегодня немного, специалисты испытывают дефицит компактных инструментов, позволяющих комплексно оценить актуальное состояние детей и их потребность в психологической помощи.

Дизайн исследования. В работе изучаются особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий. Использован специально разработанный инструмент скрининга в двух версиях: для обучающихся 5–8 классов и 9–11 классов.

Участники. 646 обучающихся 9–11 классов (36% мужского, 64% женского пола), а также 829 обучающихся 5–8 классов (43% мужского, 57% женского пола), преимущественно проживающие на территории Луганской Народной Республики.

Методы (инструменты). В основе исследования — анкета, разработанная для оценки актуального состояния ребенка. Она включает 1) пункты, оценивающие: а) проявления социально-психологической и психической дезадаптации, б) симптоматику посттравматического стрессового расстройства, проявляющуюся в различных сферах жизнедеятельности, в) психо-

логические ресурсы ребенка для совладания со стрессом. В этой части предлагаемой анкеты опрашиваемым предлагалось выбрать из списка те характеристики, которые они у себя наблюдают, на основе множественного выбора: (0-признак отсутствует, 1-признак присутствует). Анкета также содержит пункты, оцениваемые с использованием 10-балльной шкалы Ликерта, направленные на субъективную оценку ребенком своего благополучия в каждой из перечисленных выше сфер жизнедеятельности. Анкета предьявлялась в электронном виде, с использованием платформы AnketologBox (АнкетологБокс). Полученные результаты анализировались с помощью пакета IBM SPSS 27.0.

Результаты. Получены результаты о распространенности и выраженности признаков социально-психологической дезадаптации, а также проявлений, которые можно отнести к признакам ПТСР, субъективному благополучию и психологическим ресурсам обучающихся в совладании со стрессом. Обнаружены значимые различия между обучающимися по критерию пола (в группе обучающихся 9–11 классов) и возраста (в группе обучающихся 5–8 классов), а именно: 1) тенденция к снижению уровня благополучия в указанных сферах с возрастом в рамках средней школы (5–8 класс) и 2) значительно более высокий уровень уязвимости девочек по сравнению с мальчиками в психофизиологической, эмоциональной, поведенческой сферах, а также во взаимоотношениях с близкими (9–11 класс).

Основные выводы. Анализ данных позволил выявить основные особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий: наличие у части детей выраженного неблагополучия в психофизиологической, когнитивной, эмоциональной, коммуникативной и поведенческой сферах, тенденцию к снижению уровня благополучия в указанных сферах с возрастом в рамках средней школы, существование особых групп риска, к которым можно отнести девочек, обучающихся в 9–11 классах. Предложенный инструмент диагностики чувствителен в отношении изучаемых феноменов — от психологических ресурсов совладания со стрессом до признаков дезадаптации у обучающихся, проживающих на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий.

Ключевые слова: обучающиеся, дезадаптация, нарушения, психологические ресурсы, симптомы посттравматического стрессового расстройства, субъективное благополучие, боевые действия.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации, государственное задание № 073-00038-23-04 от 26 апреля 2023 года: «Научно-методическая разработка комплексной программы психолого-педагогического сопровождения и реабилитации детей».

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в процессе разработки диагностического инструментария и сбора данных для исследования сотрудников Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»: Ермолаеву А.В., Дмитриеву Н.Н., Волкова Д.С., Радченко В.В., Шпилову А.А., Аганину М.О., Комолу О.С., а также Барабан Е.В. — руководителя ГУ «Республиканская психолого-медико-педагогическая комиссия», главного внештатного педагога-психолога Луганской народной республики.

Для цитаты: Ульянина О.А., Александрова Л.А., Дмитриева С.О. Особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий // Социальная психология и общество. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024000001>

Features of the Current State of Students in Regions with High Involvement in the Consequences of Hostilities

Olga A. Ulyanina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: ulyaninaoa@mgppu.ru

Lada A. Aleksandrova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: Ladaleksandrova@mail.ru

Svetlana O. Dmitrieva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

State University "Dubna", Dubna, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1012-5948>, e-mail: dmitrievaso@mgppu.ru

Objective. *The study is aimed on estimation of students' current state in regions with high degrees of involvement in the consequences of hostilities.*

Context and relevance. *Research data, mainly foreign ones, indicate a high prevalence of violations of various degrees of severity, from mild adaptation disorders to symptoms of PTSD, in children either living in military conflict zones or having experience related to their involvement into consequences of hostilities. Such children have a great need for targeted psychological assistance. There are still a gap in domestic studies devoted to the analysis of the impact of involvement into consequences of hostilities on children of different age groups. Also, specialists are still experiencing deficits in compact tools allowing comprehensive assessment of children current state and their need for psychological assistance.*

Study design. *We studied features of the students' current state in regions highly involved into the consequences of hostilities. using specially developed screening tools, in two versions: for students of 5–8 and 9–11 grades, respectively.*

Participants. *646 students in grades 9–11 (36% male, 64% female) and 829 students in grades 5–8 (43% male, 57 % female), living in regions experiencing the impact of events related to hostilities, mainly from Lugansk People's Republic.*

Methods (tools). *The study is based on a questionnaire developed to assess the current state of the children including items assessing a) manifestations of socio-psychological and mental maladaptation in various spheres of life, b) symptoms of posttraumatic stress disorder, c) psychological (personal and social) resources for coping with stress. This part of questionnaire includes lists of features among which student must choose those which fit his/her current state on the base of multiple choice. The questionnaire also contains items assessing the subjective well-being of children in life areas mentioned above by the 10-point Likert scale. The questionnaires were presented electronically, using the AnketologBox platform. Results were analyzed using IBM SPSS 27.0.*

Results. *Results were obtained regarding the prevalence and severity of signs of socio-psychological maladaptation, including PTSD symptoms, and subjective estimation of well-being and psychological resources for coping with stress in students of 5–8 and 9–11 grades. Significant differences were found between students according to the criterion of gender (in the group of students in grades 9–11) and age (in the group of students in grades 5–8), namely: 1) the tendency to decrease the level of well-being in these areas with age in secondary school (grades 5-8) and 2) a significantly higher level of vulnerability of girls compared to boys in the psychophysiological, emotional, behavioral spheres, as well as in relationships with loved ones (grades 9–11).*

Key findings. *The data analysis allowed us to identify the main features of the current state of students in the regions highly involved in the consequences of hostilities: the presence of severe distress in some children in the psychophysiological, cognitive, emotional, communicative and behavioral spheres, the tendency to decrease the level of well-being in these areas with age in secondary school students, the exist-*

tence of special risk groups, which include female students of 9–11 grades. The proposed diagnostic tool appeared to be sensitive to phenomena under study varying from psychological resources of coping with stress to signs of maladaptation in students living in territories involved into the consequences of hostilities.

Keywords: *students, maladaptation; disorders, psychological resources; symptoms of post-traumatic stress disorder (PTSD), coping with stress, subjective well-being, hostilities*

Funding. The study was carried out with financial support of the Ministry of Education of the Russian Federation, state assignment No. 073-00038-23-04 dated April 26, 2023.073-00038-23-04: “Scientific-methodological development of the comprehensive program of psycho-pedagogical support and rehabilitation of children”.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection and questionnaire development to colleagues from Federal Coordinational Center: Ermolaeva A.V., Dmitrieva N.N., Volkov D.S. Radchenko V.V., Shipilova A.A., Oganina M.O., Comolova O.C. to Baraban E.V., Head of the State Institution “Republican Psychological, Medical and Pedagogical Commission,” Chief freelance teacher-psychologist of the LPR.

For citation: Ulyanina O.A, Aleksandrova L.A, Dmitrieva S.O. Features of the Current State of Students in Regions with High Involvement in the Consequences of Hostilities. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024000001> (In Russ.).

Введение

Изменения социальной ситуации, связанные с увеличением напряженности и конфликтности, не могут обойти стороной одну из наиболее уязвимых в данном отношении групп населения — детей и подростков. Однако, как показывают многочисленные исследования, ожидаемый рост психологических проблем у детей даже в наиболее острой фазе социальных противоречий оказывается не связанным напрямую с интенсивностью воздействия травматического опыта. Особенности состояния детей в период боевых действий характеризуются активизацией не только симптомов психологической дезадаптации. Существует и обратная тенденция — поиск ресурсов — как личностных, так и социальных, начиная с опоры на ценности группы — поддержки семьи, сообщества друзей, осмысления себя как части учебного коллектива и заканчивая опорой на глубинные внутренние ценности. Исследование вопроса о том, как внутри отдельных возрастных групп обучающихся соотносятся острые травматиче-

ские переживания и попытки обрести устойчивость в мире неопределенности и непредсказуемости, может помочь специалистам оказывать участникам образовательных отношений адресную психологическую помощь, а также сфокусировать свое внимание на особо уязвимых группах.

Исследование посвящено анализу особенностей актуального состояния обучающихся 5–11 классов в регионах с различной степенью вовлеченности в последствия боевых действий.

Данные многочисленных научных работ, преимущественно зарубежных, свидетельствуют о высокой распространенности нарушений различной степени выраженности, варьирующихся от легких проблем адаптации до симптомов посттравматического стрессового расстройства (далее — ПТСР), у детей, которые либо проживают в зонах военных конфликтов, либо пережили опыт, связанный с вовлеченностью в последствия боевых действий, и, в связи с этим, нуждаются в адресной психологической помощи, в том числе, реализуемой через

образовательные организации. До сих пор ощущается дефицит отечественных исследований, посвященных анализу результатов влияния на детей разных возрастных групп вовлеченности в последствия боевых действий, а также дефицит компактных инструментов, которые позволяют комплексно оценить актуальное состояние обучающихся и потребность в психологической помощи.

Анализу детской психологической травмы и последствий экстремальных ситуаций для психики детей посвящены работы Н.В. Тарабриной [7]. Проблематика детской травмы и методы психосоциальной помощи детям и подросткам, пережившим военные действия в странах постсоветского пространства, представлены в работах Н. Саржвеладзе и соавторов [6], З. Беберишвили и соавторов [1]. Л.В. Трубицына [8] описывает особенности психотравмы у детей, реакции детей на смерть близких, а также возрастные особенности реакции на травму. Книга М.Н. Гулиной «Травма военного детства» [2] посвящена исследованию влияния эвакуации и оккупации на психику детей. Книга содержит психологический, исторический и психоаналитический анализ более чем 120 интервью с пожилыми людьми, пережившими в детстве Великую Отечественную войну. Авторы книги предложили реконструкцию внутренней картины войны, включая Блокаду Ленинграда, такой, как ее видели дети и подростки, а также попытались обнаружить возможные связи детского травматического опыта с жизнью ветеранов сегодня.

В статье Н.М. Захаровой и М.Г. Цветковой [5] проанализированы исследования влияния чрезвычайных ситуаций, связанных с военными действиями, на психику детей. В работе Н.М. Захаровой и А.В. Милехиной [4] описываются подходы к реабилитации детей. Другая

статья этих же авторов [3] описывает психические, психологические и поведенческие нарушения, выявленные при клиническом и психологическом обследовании. Показана роль множественных психотравмирующих факторов в формировании психических нарушений у детей, вынужденных длительно находиться в зоне локального военного конфликта и переживших тяжелые утраты. Работы Н.М. Захаровой, А.Е. Личко посвящены проблемам невротического и психопатологического развития личности детей и подростков. В трудах отечественных психологов также широко представлена проблема дезадаптации (Б.Н. Алмазов, Ю.А. Александровский, А.Г. Амбрумова, Р.Б. Березин и А.А. Налчаджян и др.).

Проблема влияния военных действий на детей представлена существенно шире. Преимущественно, подобные исследования посвящены психологической травме у детей и подростков в зонах локальных военных конфликтов, политической напряженности и террористической опасности. Это такие страны и регионы, как Израиль и Палестина, Сирия, Ирак, а также балканские страны. Работы авторов направлены на анализ как краткосрочных, так и долгосрочных последствий переживания военных действий, факторов риска и защитных факторов (как социальных, так и личностных) развития ПТСР у детей и подростков, эффективности программ психологической помощи детям.

В зарубежной литературе широко исследуются факторы, опосредующие влияние военного травматического опыта. Так, исследование К. Пелтонен (K. Peltonen) и соавторов [16], построенное на основе интервью с палестинскими детьми и подростками (10–14 лет), посвящено анализу того, как детская травма, вызванная военными действиями,

связана с качеством взаимоотношений ребенка со сверстниками и сиблингами, с учетом гендерной специфики. Углубленно рассматривается вопрос опосредующего защитного влияния хороших отношений со сверстниками и сиблингами на психическое здоровье детей, в частности, на выраженность симптомов ПТСР и депрессии. Статья Д. Хэллис (D. Hallis) [14] исследует как личностные факторы, снижающие подверженность стрессу, так и копинг-стратегии и локус контроля на примере палестинских детей, живущих в зоне военного конфликта. В работе А. Фабет (A. Thabet) и соавторов [18] доказывается, что копинг-стратегии опосредуют воздействие психологической травмы и выраженность симптомов ПТСР у палестинских детей и подростков, живущих в зоне военного конфликта. В частности, авторы обнаружили, что воздействие травмы на прогнозируемые симптомы ПТСР смягчается при использовании копинг-стратегии поиска социальной поддержки и участия в деятельности, требующей ответственности. М. Диэб (M. Diab) с коллегами [11] выдвинули гипотезу о том, что эффективная регуляция эмоций защищает психическое здоровье детей при травматическом стрессе, вызванным военными событиями, и проанализировали (с учетом гендерной специфики) защитную функцию различных стратегий эмоциональной регуляции у палестинских детей, столкнувшихся с военной травмой.

Отметим, что зарубежные авторы не пришли однозначному мнению о соотношении пола с силой проявления последствий вовлечения детей и подростков в военные действия. Часть данных показывает большую остроту проявления и подверженность травматическим событиям у мальчиков [9;19], другие работы фокусируют внимание на более выраженных

проявлениях тревоги и депрессии у девочек [15; 17; 18].

Статья А. Вакег и соавторов [10] направлена на обобщение научных источников, посвященных универсальным и культурно специфическим психологическим последствиям у детей, столкнувшихся с военными конфликтами. В фокусе внимания авторов такие последствия, как тревожность, фобии, психосоматика, депрессивные симптомы, также с учетом гендерной и культурной специфики. На основе анализа источников авторы систематизируют защитные факторы и факторы риска дисфункций детской психики в результате военных конфликтов. Делается вывод о том, что переживание ребенком военной травмы зависит: 1) от личных ресурсов ребенка (когнитивных и социальных) и его опыта успешного преодоления трудностей; 2) от поддерживающего близкого окружения, которое может как усилить, так и ослабить способность ребенка справиться с травмой. Авторы также подчеркивают, что личный, социокультурный, политический, религиозный контекст, сквозь призму которого ребенок воспринимает травмирующее событие, может усилить или ослабить его способность справиться с травмой.

Эль-Кходари (El-Khodary) с коллегами [13] представляют доказательства того, что демографические и социально-экономические факторы опосредуют взаимосвязь между травматическими событиями войны и ПТСР. Поэтому психологическая помощь должна учитывать происхождение детей, их пол, возраст, место проживания и социально-экономический статус семьи (доход и размер семьи, уровень образования родителей). Краткий обзор исследований детского ПТСР, в частности, в Израиле предлагает С. Тяно (S. Tuano) [20]. Выявлены

общие закономерности — уровень вовлеченности в травмирующие события не связан напрямую с ПТСР. Широкая распространенность ПТСР дает возможность говорить о массовой травме и использовать масс медиа для увеличения резилентности населения. Автор ставит вопрос об «иммунизации» в контексте ПТСР за счет развития резилентности, религиозной веры, надежды и связанных с ними качеств.

Широкий пласт литературы дает возможность авторам обобщать накопленный опыт. В работе А. Вьетс (A. Wietse) и соавторов [21] содержится обзор рецензируемых качественных и количественных исследований, посвященных резилентности и психическому здоровью детей и подростков, пострадавших от вооруженных конфликтов в странах с низким и средним уровнем дохода. М. Самара (M. Samara) с коллегами [12] также обобщает данные актуального слоя последних исследований о влиянии военного стресса на детей и подростков, а также о направлениях и дефицитах процесса оказания помощи детям, столкнувшимся с войной на Ближнем Востоке в XXI веке.

Результаты, опубликованные в этих и других, преимущественно, зарубежных работах могут быть использованы для сопоставления с данными, полученными в нашем исследовании несмотря на то, что в них используются совершенно разные методы и дизайн.

Метод

Схема и условия проведения исследования. Обучающиеся 5–8 классов и 9–11 классов заполняли в режиме онлайн с использованием дистанционных технологий размещенную на платформе AnketologBox (АнкетологБокс) анкету, разработанную специалистами Федераль-

ного координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (далее — ФКЦ). До начала опроса с родителями (законными представителями) обучающихся педагогом-психологом была проведена мотивационная беседа и получено письменное информированное согласие об участии в исследовании. Инструкция для детей была представлена в письменном виде перед началом текста анкеты, и включала в себя мотивационное обращение к обучающемуся с объяснением целей и задач проводимого опроса. Дети заполняли анкеты самостоятельно. Участники указывали фамилию и инициалы, пол, возраст, полное наименование образовательной организации, класс, при этом всем участникам гарантировалась анонимность. Сбор данных осуществлялся в период с 15 июля по 15 сентября 2023 года, в регионах, вовлеченных в последствия боевых действий, прежде всего, на территории Луганской народной республики. Все анкеты, предъявляемые детям, содержали информацию о федеральных номерах службы «Детский телефон доверия» ФКЦ и предложение обращаться на них в случае возникновения такой потребности.

Выборка исследования. Выборка включает 646 обучающихся 9–11 классов (76,4% мужского, 23,4% женского пола), а также 829 обучающихся 5–8 классов (76,4% мужского, 23,4% женского пола). Дети и подростки, участвовавшие в исследовании, проживают в регионах, испытывающих на себе воздействие событий, связанных с проведением боевых действий, включая территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, подконтрольных Российской Федерации

территорий Запорожской и Херсонской областей, а также Белгородской области. Полная статистика по представленности перечисленных регионов в выборке представлена в Таблице 1.

Методы исследования.

В основе исследования — анкета, разработанная для оценки актуального состояния ребенка и включающая пункты, которые оценивают: а) проявления социально-психологической и психической дезадаптации, б) отдельные симптомы посттравматического стрессового расстройства в различных сферах жизнедеятельности, в) психологические ресурсы совладания со стрессом. В этой части предлагаемой анкеты опрашиваемым предлагалось выбрать из списка и отметить те характеристики, которые они у себя наблюдает, на основе множественного выбора: (0 — признак отсутствует, 1 — признак присутствует). Часть пунктов, включенных в списки, предполагающие множественный выбор и оценивающие наличие психологических ресурсов личности в совладании со стрессом, разработаны на основе пунктов таких опросников, как Шкала общей самоофективности (Р. Шварцер, Л. Иерусалем, 1981, 1992,

в адаптации Ромека В.Г., 1996), Краткая шкала резилентности (Б. Смит и соав., 2008, в адаптации Марковой В.И., Александровой Л.А., Золотаревой А.А., 2022), Шкала диспозиционного оптимизма LOT (С.С. Carver, M.F. Scheer, 1985 в адаптации Гордеевой Т.О., Сычева О.А., Осина Е.Н., 2010), Шкала субъективной витальности (R.M. Ryan, C. Frederick, 1997, в адаптации Александровой Л.А., 2014). Кроме того, в список для множественного выбора включены пункты, отражающие различные проявления дезадаптации и симптоматику ПТСР, составленные, на основе соответствующих адаптированных русскоязычных шкал (например, Тарабрина Н.В., 2001). Анкета также содержит пункты, оцениваемые с использованием 10-балльной шкалы Ликерта, направленные на субъективную оценку ребенком своего благополучия в каждой из перечисленных выше сфер жизнедеятельности.

Предлагаемые анкеты имели некоторые различия в соответствии с возрастом детей. Анкеты прошли обсуждение в профессиональном сообществе весной 2023 года. Полученные результаты анализировались с помощью пакета IBM SPSS 27.0.

Таблица 1

Характеристика выборки исследования (N=1475)

Категория респондентов	N	Регион проживания	N респондентов по регионам
Обучающиеся 5–11 классов	646	ДНР	2
		Запорожская обл.	7
		ЛНР	610
		Другое или не указано	27
Обучающиеся 5–8 классов	829	ДНР	6
		Запорожская обл.	37
		ЛНР	754
		Другое или не указано	32

Результаты

В специально разработанной для целей исследования Анкете, направленной на оценку актуального состояния ребенка (для обеих рассматриваемых возрастных групп) представлены следующие блоки вопросов.

Первый блок анкеты включает пункты, направленные на оценку актуального состояния различных сфер жизнедеятельности ребенка и возможных нарушений функционирования в этих сферах (от легких единичных нарушений адаптации до признаков, которые можно отнести к симптомам посттравматического стрессового расстройства). Были выделены следующие сферы жизнедеятельности: психофизиологическая, эмоциональная, познавательная, поведенческая, коммуникативная, семейная (отношения с близкими). Для каждой из сфер предложен ряд утверждений, наличие которых у себя предлагалось оценить обучающимся, на основе множественного выбора из предлагаемого списка. В каждый блок также были включены два пункта, направленные на оценку

психологических ресурсов ребенка. Эти утверждения были составлены на основе психодиагностических методик, оценивающих психологические ресурсы совладания со стрессом (резилентность, самоэффективность, оптимизм, социальная поддержка, субъективная витальность).

Вторая часть пунктов Анкеты, отражающих самооценку благополучия по каждой из оцениваемых сфер, направлена на оценку субъективного благополучия обучающихся в различных сферах жизнедеятельности, на основе шкалы Ликерта от 1 до 10 (для упрощения шкала дублировалась в виде смайликов). Обучающимся предлагалось отметить себя на предлагаемой десятибалльной шкале. Средние показатели с дифференциацией по полу респондентов также представлены в таблицах 2–7 в двух последних строках каждой.

Данные и процентное соотношение частотности ответов на отдельные пункты анкеты, а также данные о самооценке представлены в таблицах (таблицы 2–7) в соответствии с рассматриваемыми сферами жизнедеятельности.

Таблица 2

Показатели, отражающие состояние психофизиологической сферы обучающихся

Оцениваемые показатели	5–8 классы		9–11 классы	
	N	%	N	%
Пункты анкеты				
1) Я стал(а) быстро уставать и утомляться, мне не хватает сил на физическую активность	85	10,25%	123	18,98%
2) У меня изменился режим сна (я хочу спать в течение дня, мне сложно заснуть вечером, мой сон стал боле продолжительным, у меня беспокойный сон или бессонница, стали сниться плохие сны или кошмары)	123	14,84%	144	22,22%
3) У меня часто болит голова, живот, бывают мышечные боли, тошнота	63	7,60%	43	6,64%
4) У меня появилось нервная дрожь тела или отдельных его частей, тики, заикание	22	2,65%	38	5,86%
5) Я постоянно нахожусь в напряженном состоянии ожидания угрозы, оценивая на предмет опасности людей и обстановку	49	5,91%	46	7,10%

Оцениваемые показатели	5–8 классы		9–11 классы	
	<i>N</i>	%	<i>N</i>	%
6) Считаю, что у меня есть панические атаки			27	4,17%
7) Я стал(а) чаще болеть	37	4,46%	31	4,78%
8) У меня изменился аппетит, стал больше или меньше есть	179	21,59%	61	9,41%
9) Я обычно легко просыпаюсь по утрам, чувствую себя выспавшимся(шейся) и отдохнувшим(шей)	345	41,62%	208	32,10%
10) Мне хватает энергии и сил на целый день	453	54,64%	262	40,43%
Самооценка благополучия в психофизиологической сфере	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Обучающиеся мужского пола	7,9	1,6	8,2	1,7
Обучающиеся женского пола	7,7	1,9	7,7	1,8

Согласно таблице 2, опрошенные школьники, наряду с психологическими ресурсами, чаще всего отмечают у себя изменения аппетита, усталость и изменение режима сна. При этом симптомы, которые можно отнести к проявлениям ПТСР (п.5, п.6) отмечают у себя от 4% до 7% опрошенных. Причем, обучающиеся могут отмечать у себя одновременно и проявления ПТСР, и психологические ресурсы, и показывать средний для данной группы уровень оценки субъективного благополучия в соответствующей

сфере (средние показатели по каждой сфере для конкретной возрастной группы также приведены в данной таблице). Это может свидетельствовать и о недостаточном уровне рефлексии, и о возможном сочетании разнонаправленных тенденций, когда при наличии проявлений дезадаптации и отдельных признаков ПТСР ребенок оценивает свой уровень благополучия выше среднего.

Согласно результатам, представленным в таблице 3 опрошенные обучающиеся, наряду с психологическими ресурсами

Таблица 3

Показатели, отражающие состояние эмоциональной сферы обучающихся

Оцениваемые показатели	5–8 классы		9–11 классы	
	<i>N</i>	%	<i>N</i>	%
1) Меня не покидает чувство тревоги и беспокойства	62	7,48%	77	11,88%
2) Я стал(а) часто испытывать страх (темноты/высоты/закрытых или открытых пространств, громких звуков, звуков самолетов, остаться одному)	106	12,79%	72	11,11%
3) Я стал(а) чаще переживать за свою жизнь и жизнь своих близких	140	16,89%	121	18,67%
4) Я стал(а) чаще раздражаться, злиться, выходить из себя	128	15,44%	152	23,46%
5) Мне стало скучно и неинтересно заниматься тем, чем раньше я занимался(ась) с радостью и удовольствием	126	15,20%	111	17,13%
6) Я стал(а) чаще грустить, плакать и быстро расстраиваться из-за неприятностей	76	9,17%	66	10,19%
7) У меня преобладает плохое настроение	77	9,29%	81	12,50%
8) Я чувствую себя одиноко			67	10,34%

Оцениваемые показатели	5–8 классы		9–11 классы	
	<i>N</i>	%	<i>N</i>	%
9) Я чувствую и понимаю эмоции других людей и способен их поддержать	321	38,72%	204	31,48%
10) Я достаточно быстро прихожу в себя, если происходит что-то плохое и умею радоваться мелочам (хорошей погоде, красоте природы, удачной шутке, проказам животных, похвале и др.)	372	44,87%	296	45,68%
Самооценка благополучия в эмоциональной сфере	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Обучающиеся мужского пола	7,8	1,7	7,8	1,9
Обучающиеся женского пола	7,7	1,9	7,4	1,9

ми, чаще всего отмечают переживания за свою жизнь и жизнь близких, вспышки раздражения и нарушения саморегуляции, потерю интереса к тому, чем раньше занимался с удовольствием, тревогу, беспокойство и страхи (темноты, громких звуков). При этом негативные про-

явления в эмоциональной сфере могут наблюдаться в сочетании с высокой самооценкой субъективного благополучия и наличием личностных ресурсов совладания со стрессом.

Согласно таблице 4 опрошенные обучающиеся чаще всего отмечают такие

Таблица 4

Показатели, отражающие состояние когнитивной сферы обучающихся

Оцениваемые показатели	5–8 классы		9–11 классы	
	<i>N</i>	%	<i>N</i>	%
1) Я стал(а) испытывать трудности при ответах на занятиях (письменных и устных)	136	16,41%	79	12,19%
2) В последнее время моя успеваемость снизилась	144	17,37%	84	12,96%
3) Мне стало тяжело сосредоточиться на задании, я часто упускаю из внимания что-то важное, теряю личные вещи	124	14,96%	130	20,06%
4) Мне стало сложно запоминать новую информацию или воспроизвести ранее выученную	136	16,41%	97	14,97%
5) Постоянно опаздываю, теряю личные вещи, забываю важное			68	10,49%
6) Я стал(а) допускать много ошибок в учебе, то, что раньше было легко, дается с трудом	82	9,89%	54	8,33%
7) Учеба перестала меня интересовать	116	13,99%	111	17,13%
8) Мне нравится учиться, узнавать что-то новое и чувствовать себя знающим многое	255	30,76%	163	25,15%
9) Когда я прилагаю достаточно усилий, то могу справиться даже со сложными заданиями	397	47,89%	296	45,68%
Самооценка благополучия в познавательной сфере	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Обучающиеся мужского пола	7,2	1,9	7,4	1,8
Обучающиеся женского пола	7,4	1,7	7,2	1,9

когнитивные проблемы, как трудности при письменных и устных ответах, снижение успеваемости, сложности сосредоточения и запоминания информации, снижение интереса к учебе. Психологический ресурс самоэффективности указывает существенно большее число опрошенных по сравнению с количеством обучающихся, рассматривающих как ресурс совладания со стрессом свою учебную деятельность.

Обучающиеся чаще всего отмечают такие проблемы в поведенческой сфере, как трудности концентрации на одном занятии, что соотносится с неустойчивостью внимания и ростом частоты использования ненормативной лексики. Такие ресурсы, как рост числа увлечений, а так-

же появившееся чувство взрослости отмечают от 40% до половины опрошенных (таблица 5).

Почти 70% обучающихся отмечают наличие психологического ресурса поддержки со стороны близких, почти 50% гордятся членами своей семьи. Данные свидетельствуют об относительном благополучии в сфере внутрисемейных отношений по сравнению с остальными. В то же время всего лишь 8% сообщают, что стали чаще ссориться с близкими, и от 8% до 10% отмечают, что их стали чаще ругать дома (таблица 6).

Наличие ресурса социальной поддержки в среде сверстников отмечают от 64 до 70% обучающихся. При этом достаточно часто опрошенные выделяют

Таблица 5

Показатели, отражающие состояние поведенческой сферы обучающихся

Оцениваемые показатели Пункты анкеты	5–8 классы		9–11 классы	
	%	N	%	N
1) Мне сложно долго заниматься каким-либо делом, часто я начинаю и бросаю, не доведя дело до конца	151	18,21%	118	18,21%
2) Я стал(а) сбегать из дома			9	1,39%
3) Я стал(а) чаще ругаться (использовать ненормативную лексику)	63	7,60%	59	9,10%
4а) Мое поведение стало более рискованным, я стал(а) менее осторожным(ой) и чаще травмируюсь	54	6,51%		
4б) Я стал(а) чаще совершать необдуманные, импульсивные, рискованные поступки, опасные для моей жизни и здоровья			47	7,25%
5) Я стал(а) периодически драться	20	2,41%	11	1,70%
6) Я перестал(а) следить за собой, умываться и регулярно чистить зубы	36	4,34%	18	2,78%
7) Я стал(а) прогуливать школу	7	0,84%	2	0,31%
8) Я перестал(а) выполнять домашние обязанности	35	4,22%	23	3,55%
9) У меня появились новые занятия и увлечения (спорт, танцы, рисование, шахматы и т.д.)	332	40,05%	238	36,73%
10) Я стал(а) более взрослым(ой) и помогаю близким, беру на себя новые обязательства в школе и дома	427	51,51%	331	51,08%
Самооценка благополучия во поведенческой сфере	M	SD	M	SD
Обучающиеся мужского пола	7,7	1,8	7,8	1,7
Обучающиеся женского пола	7,8	1,7	7,7	1,8

Таблица 6

Показатели, отражающие особенности отношений обучающихся с близкими

Оцениваемые показатели Пункты анкеты	5–8 классы		9–11 классы	
	%	N	%	N
1) Я стал(а) чаще ссориться с близкими	70	8,44%	54	8,33%
2) Я чувствую, что меня никто не любит, не понимает	54	6,51%	36	5,56%
3) Мои близкие часто недовольны мною, ругают меня	70	8,44%	70	10,80%
4) Я не люблю проводить время в кругу семьи	48	5,79%	41	6,33%
5) Рядом с близкими я не чувствую себя в безопасности	46	5,55%	32	4,94%
6) В семье ко мне относятся несправедливо	33	3,98%	19	2,93%
7) Мои родители слишком давят на меня, чрезмерно опекают			39	6,02%
8) Я горжусь своими близкими	446	53,80%	316	48,77%
9) Мои близкие всегда готовы меня поддержать и успокоить, если у меня плохое настроение или что-то не получается	572	69,00%	456	70,37%
Самооценка благополучия во взаимоотношениях с близкими	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Обучающиеся мужского пола	8,4	1,7	8,6	1,7
Обучающиеся женского пола	8,2	1,9	8,3	1,8

проблемы, связанные с одиночеством, невозможностью разделить свои интересы со сверстниками, обсудить то, что для

обучающегося важно, нежелание делиться своими мыслями и чувствами со сверстниками (таблица 7).

Таблица 7

Показатели, отражающие состояние коммуникативной сферы обучающихся

Оцениваемые показатели Пункты анкеты	5–8 классы		9–11 классы	
	%	N	%	N
1) У меня нет друзей, я предпочитаю одиночество	29	3,50%	36	5,56%
2) Я стал(а) часто ссориться со сверстниками/ У меня часто возникают конфликты со сверстниками	35	4,22%	36	5,56%
3) Я перестал(а) проводить время в компании друзей, сверстников			67	10,34%
4) Мои сверстники часто обзывают, обижают меня/ В классе меня отвергают, унижают, игнорируют	38	4,58%	29	4,48%
5) Мне стало трудно общаться со сверстниками, проводить с ними время	68	8,20%	61	9,41%
6) Я предпочитаю не делиться своими мыслями и чувствами со сверстниками	120	14,48%	84	12,96%
7) Среди моих сверстников нет тех, с кем я могу обсудить то, что для меня действительно важно, и к кому я могу обратиться за поддержкой, когда я чем-то огорчен или расстроен	105	12,67%		
8) Я не разделяю интересов своих сверстников			80	12,35%
9) У меня есть надежные друзья, на которых я могу положиться /в трудную минуту	537	64,78%	459	70,83%

Оцениваемые показатели	5–8 классы		9–11 классы	
	%	<i>N</i>	%	<i>N</i>
Пункты анкеты				
10) Я стремлюсь завести новых друзей / Я стремлюсь познакомиться с новыми людьми и завести новых друзей	310	37,39%	292	45,06%
Самооценка благополучия во взаимоотношениях со сверстниками	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Обучающиеся мужского пола	7,8	2,0	8,0	2,0
Обучающиеся женского пола	7.6	2,1	7,8	2,0

Обращает на себя внимание, что средние показатели и нормативный разброс субъективных оценок обучающимися своего благополучия по разным сферам находятся в диапазоне выше среднего уровня субъективного благополучия (по шкале от 1 до 10).

В то же время, среди респондентов достаточно много обучающихся, чьи баллы варьировались в диапазоне низких значений, от 1 до 5, либо по отдельным сферам, либо по всем сферам, что свидетельствует о выраженном неблагополучии. Чаще всего неблагополучие касается познавательной сферы (включая обучение в школе), а также взаимоотношений со сверстниками, включая буллинг.

Дети, низко оценивающие свое благополучие в отдельных или во всех рассматриваемых сферах жизнедеятельности, находятся в зоне риска, так как речь идет либо о последствиях пережитых ими стрессов, связанных, в том числе, с нахождением на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий, либо о факторах, которые могут повысить уязвимость обучающихся к воздействию стрессоров и усугубить в будущем тяжесть реакции на подобные события.

Наиболее распространены низкие оценки благополучия 1) в познавательной сфере в том числе, в отношении школьного обучения, и 2) в коммуникативной, отражающей проблемы отношения со сверстниками, в том числе,

школьный буллинг. Задача сопоставить полученные данные с «условной «нормой» — обучающимися из регионов, не вовлеченных в боевых действий, относится к одной из перспектив дальнейшего исследования. Однако, полученные данные позволяют предположить, что наличие указанных проблем является дополнительным фактором дезадаптации для детей, чьи адаптационные ресурсы в данный момент уже находятся в крайнем напряжении.

Далее был проведен сравнительный анализ самооценок благополучия (по сферам) внутри каждой из рассматриваемых возрастных групп между обучающимися мужского и женского пола, а также в зависимости от класса обучения. Для анализа использовались непараметрические критерии Манна-Уитни и Крускала–Уоллеса.

По критерию пола у обучающихся 5–8 классов в отношении самооценки благополучия в рассматриваемых сферах значимых различий не выявлено, хотя многие зарубежные авторы говорят о гендерных различиях в реакциях на воздействие стресса у детей данного возраста.

В то же время, обнаружены значимые различия в оценках благополучия в отдельных сферах (познавательной и эмоциональной) в зависимости от класса обучения, результаты представлены в табл. 8 и на рис. 1. Полученные данные свидетельствуют также о том, что самые

низкие показатели характерны для обучающихся 8-х классов, причем, по всем рассматриваемым сферам: психофизиологической, эмоциональной, познавательной, поведенческой, коммуникативной, отношениям с близкими

Анализ данных также показывает, что ниже всего обучающиеся оценивают свое благополучие в познавательной сфере, что косвенно указывает на наличие про-

блем в обучении, которые, в свою очередь, являются фактором риска школьной дезадаптации. Средние значения субъективных оценок обучающимися 5–8 классов своего благополучия по изучаемым сферам представлены на Рис. 1.

При анализе данных анкетирования обучающихся 9–11 классов выявилась противоположная картина: различий по классам обучения выявлено не было, од-

Таблица 8

Различия в самооценке субъективного благополучия в различных сферах жизнедеятельности между обучающимися 5–8 классов, в зависимости от класса обучения

	Психофизиологическая сфера	Эмоциональная сфера	Познавательная сфера	Поведенческая сфера	Отношения с близкими	Коммуникативная сфера	Сумма оценок по сферам
<i>H</i> Крускала-Уоллеса	3,47	7,83	7,82	4,28	7,56	4,75	8,33
<i>p</i> Асимптотическая значимость	0,33	0,05*	0,05*	0,23	0,06	0,19	0,04*

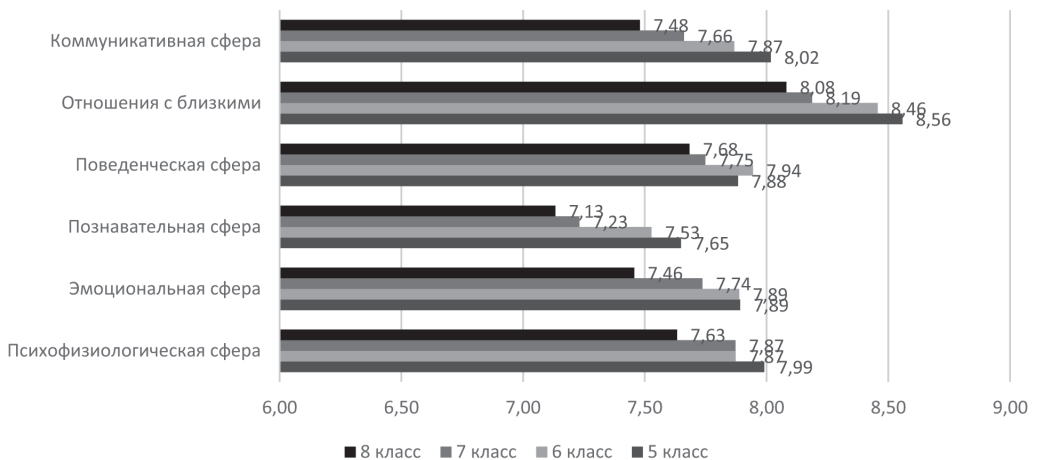

Рис. 1. Различия в субъективных оценках благополучия в разных сферах жизнедеятельности у в зависимости от класса обучения (5–8 классы)

нако, обнаружены множественные различия и в частотности ответов на пункты анкеты, и в отношении самооценки благополучия в рассматриваемых сферах жизнедеятельности. Статистически значимые различия в оценках благополучия юношами и девушками касаются психофизиологической, эмоциональной сфер и взаимоотношений с близкими, данные представлены в табл. 9.

Выявлены также статистически различия в отношении тех показателей, которые отмечают у себя обучающиеся мужского и женского пола. При анализе использовались таблицы сопряженности и коэффициент χ^2 Пирсона. При обсуждении будут указаны только номера пунктов Анкеты, сам текст утверждений отражен по блокам в таблицах, представленных выше.

Обратимся к анализу ответов обучающихся 5–8 классов. Данные показывают, что девочки чаще отмечают у себя симптомы неблагополучия в психофизиологической и эмоциональной сфере, чем мальчики. Достоверные различия выявлены для ответов на пп. 1, 2, 3, 4 (см. таблицу 2) при уровне значимости разли-

чий от $p \leq 0,05$ до $p \leq 0,001$. В то же время в отношении психологических ресурсов совладания со стрессом в этих двух сферах различий не наблюдается.

Проблемы в эмоциональной сфере также чаще отмечают у себя девочки, чем мальчики. Девочки чаще отмечают, что испытывают тревогу, беспокойство, страхи, плохое настроение, чаще плачут и раздражаются (пп. 1, 2, 4, 6, 7, табл. 3), различия значимы на уровне $p \leq 0,05$ до $p \leq 0,001$.

Распространенность проблем в познавательной сфере не различается у в зависимости от пола, однако девочки часто отмечают у себя такой психологический ресурс, как интерес к знаниям и всему новому ($p \leq 0,05$).

Проблемы, связанные с рискованным поведением, чаще отмечают мальчики ($p \leq 0,05$), а проблемы, касающиеся доведения дел до конца — девочки ($p \leq 0,05$), у которых также больше психологических ресурсов в виде новых дел и увлечений ($p \leq 0,001$).

Проблемы непонимания в отношениях с близкими чаще отмечают девочки ($p \leq 0,05$); других различий по сфере

Таблица 9

Различия в самооценке субъективного благополучия в различных сферах жизнедеятельности между обучающимися 9–11 классов по критерию пола

	Психофизиологическая сфера	Эмоциональная сфера	Познавательная сфера	Поведенческая сфера	Отношения с близкими	Коммуникативная сфера
<i>U</i> Манна-Уитни	39729	42421	45693,5	47328	44017	45711
<i>W</i> Уилкоксона	125634	128326	131598,5	133233	129922	131616
<i>p</i> Асимптотическая значимость	<0,001***	0,008***	0,224	0,622	0,044*	0,224

отношений с близкими не обнаружено. Распространенность проблем в коммуникативной сфере, а также психологических ресурсов в виде гармоничных отношений со сверстниками и близкими, сопоставима у всех опрошенных, значимых различий по полу не выявлено.

Можно констатировать более высокий уровень уязвимости девочек по сравнению с мальчиками в психофизиологической, эмоциональной сферах, и сходный уровень уязвимости в коммуникативной, познавательной и поведенческой сферах. При этом в когнитивной и поведенческой сферах, при сходной уязвимости, у девочек больше психологических ресурсов совладания со стрессом.

Что касается обучающихся 9–11 классов, то у них выявлены существенно более выраженные различия по полу в самооценке имеющихся проявлений стресса и ресурсов, и эти различия касаются большинства рассматриваемых сфер.

Так, девушки существенно чаще отмечают у себя проблемы в психофизиологической сфере по большинству пунктов соответствующего раздела Анкеты. Статистическая значимость различий варьирует от ($p \leq 0,018$ до $p \leq 0,001$). Значимых различий нет только в отношении самооценки напряжения и ожидания угрозы, а также наличия панических атак (формулировки пунктов представлены в таблице 2).

У девушек также существенно чаще встречаются все включенные в Анкету проблемы эмоциональной сферы ($p \leq 0,005$), за исключением потери интереса к тому, что интересовало ранее, и эмоциональных ресурсов совладания со стрессом (формулировки пунктов см. в табл. 3).

Необходимо отметить, что различий в выраженности проблем, касающихся познавательной сферы, между юношами и девушками выявлено значительно мень-

ше: существенно чаще девушки отмечают, что стали испытывать трудности при ответах (п.1), а также, постоянно опаздывают и теряют личные вещи (п.5) (формулировки пунктов см. в табл. 4).

Девушки чаще отмечают у себя поведенческие проблемы, отраженные в пп. 2 и 3 (формулировки пунктов см. в таблице 4), других значимых различий не выявлено. Кроме того, девушки, обучающиеся в 9–11 классах чаще отмечают, что им сложно долго заниматься каким-либо делом, поэтому они склонны бросать дело, не доведя его до конца, Девушки также замечают, что стали чаще использовать ненормативную лексику (см. таблицу 5).

Проблемы во взаимоотношениях с близкими девушки, обучающиеся в 9–11 классах, также отмечают существенно чаще. Однако в оценке родителей как чрезмерно давящих и опекающих (п. 7), а также в оценке наличия семейных ресурсов совладания со стрессом у юношей и девушек 9–11 классов различий не обнаружено. Значимость различий «в пользу» девушек по пп. 1–5 анкеты варьирует от $p \leq 0,001$ до $p \leq 0,02$. (см. табл. 6).

Значимых различий в оценках проблем в коммуникативной сфере между юношами и девушками не обнаружено, единственное различие касается поиска новых друзей, который более характерен для девушек ($p \leq 0,001$) (см. табл. 7).

Обсуждение результатов

Исследование было направлено на достижение двух целей. С одной стороны — проанализировать особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий, с другой — провести первичную апробацию разработанного сотрудниками ФКЦ специально для целей исследования ин-

струмента, используя различные части опроса для взаимной проверки. Кроме того, полученные результаты были сопоставлены с аналогичными данными зарубежных исследований. Анализ проводился раздельно в отношении данных, полученных среди обучающихся 5–8 и 8–11 классов в связи с неполным совпадением предложенных им анкет.

Результаты проведенного исследования показали, что в настоящий момент часть детей и подростков, проживающих в зонах военных конфликтов или переживших опыт, связанный с вовлеченностью в последствия боевых действий, испытывает симптомы дезадаптации и выраженное неблагополучие в психофизиологической, когнитивной, эмоциональной, коммуникативной и поведенческой сферах. Такие дети находятся в зоне риска и нуждаются в дальнейшей диагностике и адресной психологической помощи.

Анализ выборки в целом показал, что чаще всего субъективное неблагополучие проявляется в когнитивной сфере — школьники отмечают проблемы с обучением из-за воздействия постоянного стресса, состояния хронического напряжения и переживания угрозы. Вторая наиболее проблемная область для школьников в ситуации нахождения на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий по данным скрининга — коммуникативная сфера. Дети и подростки сталкиваются с проблемой непонимания в семье и в школе (особенно девочки), отмечают частое употребление ненормативной лексики и факты буллинга, закономерно связанного с ситуацией повышенного напряжения и социальной конфликтности.

С другой стороны, анализ данных продемонстрировал, что большинство детей субъективно оценивают свое бла-

гополучие в указанных сферах на уровне выше среднего, опираясь на доступные им ресурсы. Ответы респондентов демонстрируют высокую значимость для детей таких психологических ресурсов, как поддержка семьи, дружеские отношения, увлеченность процессом познания, что соответствует данным зарубежных исследователей, основанных на анализе факторов, способствующих росту резилентности детей в ситуации военных действий [10; 16; 19]. Полученные данные подтверждают и выводы зарубежных обзорных работ о том, что уровень вовлеченности в травмирующие события не связан напрямую с выраженностью симптоматики ПТСР, он опосредован защитными факторами (Тьяно (Туано) [20]). Сопоставление психодиагностических инструментов, использованных в зарубежных научных работах, с предлагаемыми инструментами скрининговой оценки относится к перспективам дальнейшего исследования.

Внутри рассматриваемых возрастных групп выявлены значимые различия между обучающимися мужского и женского пола, а также между учениками разного возраста, в отношении факторов риска и психологических ресурсов совладания со стрессом, причем, эти различия более выражены в группе обучающихся 9–11 классов. При этом ожидаемых различий в субъективной оценке благополучия по сферам жизнедеятельности между мальчиками и девочками 5–8 классов не найдено, в отличие от обучающихся 9–11 классов, где они проявились значимо. Таким образом, сравнительный анализ выраженности изучаемых показателей внутри каждой из возрастных групп между обучающимися мужского и женского пола позволил выявить более высокий уровень уязвимости девочек 9–11 классов по сравнению с мальчи-

ками в психофизиологической, эмоциональной, поведенческой сферах, а также во взаимоотношениях с близкими.

Полученные в процессе проведения настоящего исследования данные дополняют существующие выводы о различиях мальчиков и девочек с точки зрения оценки субъективного благополучия и психологических ресурсов совладения со стрессом. Девочки испытывают более выраженные трудности при ответах, им сложнее долго заниматься каким-либо делом, они чаще опаздывают, теряют личные вещи, что свидетельствует о повышенной тревожности, нарушении концентрации внимания, вынужденной необходимости тратить основные психологические ресурсы на то, чтобы справиться с ситуацией текущего стресса. Кроме того, именно девочки часто испытывают соматические симптомы — они быстро утомляются, отмечают кошмары, бессонницу, состояние напряжения и переживания угрозы. Полученные результаты подтверждаются данными зарубежных исследований, в которых выявлен более высокий уровень интрузии, страха, тревоги и депрессии у девочек, переживших опыт столкновения с военными действиями [15; 17; 18]. Однако, учитывая существование разных точек зрения у исследователей по вопросу о влиянии пола на последствия вовлечения в военные травматические события, а также склонность к более глубокому уровню рефлексии у девочек, предлагается прояснить данную проблему в ходе следующего этапа исследования. Отметим, что, согласно полученным данным, для обучающихся 5–8 классов различия по полу не характерны, для них актуальнее возрастные различия, о которых речь пойдет ниже.

Важно, что познавательная сфера девушек, обучающихся в 9–11 классах,

субъективно воспринимается ими как позитивно окрашенная и как место роста и развития, поэтому можно предположить, что фокусировка на вовлечение девочек, обучающихся в 9–11 классах, в интересные для них образовательные проекты будет играть роль защитного фактора и опоры в формировании устойчивости к вызовам ситуации военного стресса. Проверку подобного предположения, а также поиск дополнительных факторов опоры и защиты для мальчиков можно рассматривать как актуальную задачу дальнейших исследований.

Важным результатом работы стало выявление отрицательной динамики у обучающихся 5–8 классов — снижение оценок субъективного благополучия в эмоциональной и познавательной сферах. Отметим, что у обучающихся 9–11 данная динамика не выявлена. Самые низкие показатели характерны для обучающихся 8х классов, причем, по всем рассматриваемым сферам — психофизиологической, эмоциональной, познавательной, поведенческой, коммуникативной, сфере отношений с близкими. Подобные данные сложно сопоставить с зарубежными исследованиями из-за разницы моделей образования. Однако можно предположить, что, текущая социально-политическая ситуация, накладываясь на возрастной кризис, усиливает нормативную неопределенность этого возраста в процессе выбора траектории дальнейшего образования и обостряет реакции на внешние и внутренние стрессоры. Результаты работы свидетельствуют, что психологам, педагогам и родителям стоит обратить особое внимание на данную возрастную группу.

Важно также подчеркнуть, что в оценках наличия психологических ресурсов для совладания со стрессами между девочками и мальчиками обнаружены

минимальные различия. Наличие этих ресурсов указывается опрошенными существенно чаще, чем наличие рисков. Во многих анкетах, обучающихся риски (проявления дезадаптации, отдельные симптомы ПТСР) соседствуют с ресурсами.

Выводы

Таким образом, анализ данных позволил выявить основные особенности актуального состояния обучающихся в регионе с высокой степенью вовлеченности в последствия боевых действий.

1. Наличие у части детей выраженного неблагополучия в психофизиологической, когнитивной, эмоциональной, коммуникативной и поведенческой сферах, тенденция к снижению уровня благополучия в указанных сферах с возрастом в рамках средней школы, существование особых групп риска, к которым можно отнести обучающихся восьмых классов, а также девочек 9–11 классов.

2. Дети испытывают на себе последствия нахождения на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий, которые приводят к нарушению адаптации в жизненно важных для развивающейся личности сферах. Обнаруженные проявления дезадаптации согласуются с отечественными исследованиями этого феномена, а также с зарубежными работами, посвященными проблемам детей и подростков в регионах, вовлеченных в военные действия.

3. Полученные данные позволяют обнаружить у обучающихся 5–8 классов постепенное снижение оценок субъективного благополучия в эмоциональной и познавательной сферах по мере перехода из класса в класс, тогда как у обучающихся 9–11 классов подобная динамика не наблюдается.

4. В обеих возрастных группах наименьшее число различий выявлено в от-

ношении познавательной сферы и сферы отношений со сверстниками. Все выявленные различия — в «пользу» девочек, они отмечают больше проблем, чем мальчики, особенно это характерно для возрастной группы 9–11 классов. Это, с одной стороны, может свидетельствовать о том, что девочки более подвержены стрессу, с другой — о более развитой рефлексии. В любом случае, при оценке рисков необходимо учитывать выявленные особенности.

5. Проведена первичная апробация разработанного сотрудниками ФКЦ специально для целей исследования инструмента, с использованием различных частей опроса для взаимной проверки. Данные демонстрируют, что разработанный инструмент чувствителен в отношении изучаемых феноменов — от психологических ресурсов совладания со стрессом до признаков дезадаптации у обучающихся, проживающих на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий.

6. Полученные данные пока не имеют аналогов в нашей стране и позволяют оценить состояние как групп детей, так и отдельного ребенка, на территориях, вовлеченных в последствия боевых действий, с учетом пола, возраста и степени подверженности событиям, связанным с проведением боевых действий.

7. Результаты исследования закладывают основу для разработки адресной программы психологического сопровождения. Такая программа, на наш взгляд, должна учитывать, как уровень рисков, так и возрастную, гендерную, а также индивидуальную специфику обучающихся. При оценке рисков также необходимо учитывать и наличие психологических ресурсов, позволяющих подросткам, проживающим в регионах, вовлеченных в последствия боевых действий, справ-

латься с экстраординарными стрессами, с которыми они сталкиваются.

8. Полученные данные также можно использовать при работе с социальными группами, чья деятельность значима для стабилизации психологического состоя-

ние обучающихся. Важно, чтобы в ситуации особого риска дети и подростки могли получать максимальную поддержку как сообщества специалистов, так и тех социальных групп, которые способствуют росту ресурсов и общей резилентности.

Литература

1. Беберашвили З., Джавахишвили Д., Табагуа С. Травма, её природа и пути исцеления. Тбилиси, 2011. 204 с.
2. Гулина М.Н., Гулин Ф., Травма военного детства (Блокада, эвакуация, оккупация). Историко-психологическое исследование. Европейский Дом, 2016. 336 с.
3. Захарова Н.М., Милехина А.В. Особенности психических и поведенческих нарушений у детей, освобожденных из иракской тюрьмы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 225–235. DOI:10.17759/psylaw.2019090416
4. Захарова Н.М., Милехина А.В. Комплекс реабилитационных мероприятий в отношении несовершеннолетних, возвращенных в Россию из зон боевых действий // Евразийский Союз Ученых. 2020. №11-2 (80). С. 13-18. DOI:10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.80.1101.
5. Захарова Н.М., Цветкова М.Г. Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413.
6. Сарджвеладзе Н., Джавахишвили Д., Беберашвили З. Травма и психологическая помощь. Москва: Смысл, 2019. 182 с.
7. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 272 с.
8. Трубицына Л.В. Процесс травмы. Москва: Смысл, 2012. 224 с.
9. Al-Sheikh Niveen A.M. and Thabet A.A.M. Post-Traumatic Stress Disorder due to War Trauma, Social and Family Support among Adolescent in the Gaza Strip [Электронный ресурс] // Journal of Nursing and Health Sciences. 2017. Volume 3. Issue 2. URL: <https://www.alliedacademies.org/articles/stress-trauma-and-posttraumatic-stress-disorder-among-adolescents-in-the-gaza-strip-8249.html> (дата обращения: 20.12.2023).
10. Baker A., Shalhoub-Kevorkian N. Effects of Political and Military Traumas On Children: The Palestinian Case // Clinical Psychology Review. 1999. Vol. 19, №. 8. P. 935–950. DOI:10.1016/s0272-7358(99)00004-5.
11. Can functional emotion regulation protect children's mental health from war trauma? A Palestinian study. / M. Diab [et al.] // Int J Psychol. 2019. Vol. 54(1). P. 42-52. DOI:10.1002/ijop.12427.
12. Children's prolonged exposure to the toxic stress of war trauma in the Middle East / M. Samara [et al.] // British medical journal. 2020. Vol. 371. 6 p. DOI:10.1136/bmj.m3155.
13. El-Khodary B., Samara M. and Askew C. Traumatic Events and PTSD Among Palestinian Children and Adolescents: The Effect of Demographic and Socioeconomic Factors // Front. Psychiatry. 2020. Vol. 11. № 4. 11 p. DOI:10.3389/fpsy.2020.00004.
14. Hallis D. and Slone M. Coping Strategies and Locus of Control as Mediating Variables in the Relation Between Exposure to Political Life Events and Psychological Adjustment in Israeli Children [Электронный ресурс] // International Journal of Stress Management. 1999. Vol. 6, № 2. P.105-123. DOI:<https://doi.org/10.1023/A:1022980310481>.
15. Kuterovac G., Dyregrov A., Stuvland R. Children in war: a silent majority under stress // The British journal of medical psychology. 1994. Vol. 67. P. 363-75. DOI:10.1111/j.2044-8341.1994.tb01804.x.

16. Military trauma and social development: The moderating and mediating roles of peer and sibling relations in mental health / K. Peltonen, S. Qouta, E.E. Sarraj, R.-L. Punama // *International Journal of Behavioral Development*. 2010. Vol. 34. P. 554–563. DOI:10.1177/0165025410368943.
17. Qeshta H., Hawajri A.M.A, Thabet A.M. The Relationship between War Trauma, PTSD, Anxiety and Depression among Adolescents in the Gaza Strip // *Health Sci J*. 2019. Vol.13. № 1. 13 p. DOI:10.21767/1791-809X.1000621
18. Thabet A., EL-Buhaisi O., Vostanis P. Trauma, PTSD, Anxiety, and coping strategies among Palestinians adolescents exposed to War on Gaza // *The Arab Journal of Psychiatry*. 2014. Vol. 25. № 1. P. 71-82. DOI:10.12816/0004117.
19. Thabet A.A.M, Thabet S.S. Coping with trauma among children in South of Gaza Strip // *Psychology and Cognitive Sciences*. 2017. Vol. 3 (2). P. 36-47. DOI:10.17140/ PCSOJ-3-122.
20. Tyano S. Post-traumatic stress disorder in Israeli children // *Bulletin of the Board of International Affairs of the Royal College of Psychiatrists*. 2003. № 2. P. 7-8. DOI:10.1192/S1749367600006421.
21. Wietse A.T., Song S., Jordans M.J.D. Annual Research Review: Resilience and mental health in children and adolescents living in areas of armed conflict – a systematic review of findings in low- and middle-income countries // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2013. Vol. 54. № 4. P. 445-460. DOI:10.1111/jcpp.12053.

References

1. Beberashvili Z. Dzhavakhishvili D., Tabagua S. Travma, ee priroda i puti istseleniya [Trauma, its nature and ways of healing]. Tbilisi, 2011. 204 p. (In Russ.).
2. Gulina M.N., Gulin F. Travma voennogo detstva (Blokada, evakuatsiya, okkupatsiya). Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie [The trauma of military childhood (Blockade, evacuation, occupation). Historical and psychological research]. Publ. Evropeiskii Dom, 2016. 336 p. (In Russ.).
3. Zakharova N.M., Milekhina A.V. Osobennosti psikhicheskikh i povedencheskikh narushenii u detei, osvobozhdennykh iz irakskoi tyur'my [Elektronnyi resurs] [Peculiarities of Mental and Behavioral Disorders in Children Released from Iraqi Prison]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4. pp. 225–235. DOI:10.17759/psylaw.2019090416 (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Zakharova N.M., Milekhina A.V. Kompleks rehabilitatsionnykh meropriyatii v otnoshenii nesovershennoletnikh, vozvrashchennykh v Rossiyu iz zon boevykh deistvii [A set of rehabilitation measures for minors returned to Russia from war zones]. *Evraziiskii Soyuz Uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2020, no.11–2 (80). pp. 13–18. DOI:10.31618/ESU.2413-9335.2020.2.80.1101 (In Russ.).
5. Zakharova N.M., Tsvetkova M.G. Psikhicheskie i povedencheskie narusheniya u mirnogo naseleniya regiona, podvergshegosya lokal'nyim voennym deistviyam [Elektronnyi resurs] [Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of Regions Affected by Local Warfare]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413. (In Russ.).
6. Sardzhveladze N., Dzhavakhishvili D., Beberashvili Z. Travma i psikhologicheskaya pomoshch'. [Trauma and psychological care]. Moscow: Smysl, 2019. 182 p. (In Russ.).
7. Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa [Workshop on the psychology of post-traumatic stress]. Sankt-Peterburg: Piter, 2001. 272 p. (In Russ.).
8. Trubitsyna L.V. Protsess travmy [The trauma process]. Moskva: Smysl, 2012. 224 p. (In Russ.).
9. Al-Sheikh Niveen A.M. and Thabet A. A. M. Post-Traumatic Stress Disorder due to War Trauma, Social and Family Support among Adolescent in the Gaza Strip. *Journal of Nursing and Health Sciences*, 2017. Volume 3. Issue 2. URL: <https://www.alliedacademies.org/articles/stress-trauma-and-posttraumatic-stress-disorder-among-adolescents-in-the-gaza-strip-8249.html> (дата обращения: 20.12.2023).

10. Baker A., Shalhoub-Kevorkian N. Effects of Political And Military Traumas on Children: The Palestinian Case. *Clinical Psychology Review*, 1999. Vol. 19, no. 8, pp. 935–950. DOI: 10.1016/s0272-7358(99)00004-5
11. Diab M. et al. Can functional emotion regulation protect children’s mental health from war trauma? A Palestinian study. *Int J Psychol*, 2019. Vol. 54(1), pp. 42–52. DOI: 10.1002/ijop.12427.
12. Samara M. et al. Children’s prolonged exposure to the toxic stress of war trauma in the Middle East. *British medical journal*, 2020. Vol. 371. 6 p. DOI: 10.1136/bmj.m3155
13. El-Khodary B., Samara M. and Askew C. Traumatic Events and PTSD Among Palestinian Children and Adolescents: The Effect of Demographic and Socioeconomic Factors. *Front. Psychiatry*, 2020. Vol. 11, no. 4. 11 p. DOI: 10.3389/fpsy.2020.00004.
14. Hallis D. and Slone M. Coping Strategies and Locus of Control as Mediating Variables in the Relation Between Exposure to Political Life Events and Psychological Adjustment in Israeli Children. *International Journal of Stress Management*, 1999. Vol. 6, no. 2, pp.105–123.
15. Kuterovac G., Dyregrov A., Stuvland R. Children in war: a silent majority under stress. *The British journal of medical psychology*, 1994. Vol. 67, pp. 363–75. DOI: 10.1111/j.2044-8341.1994.tb01804.x.
16. Peltonen K., et al. Military trauma and social development: The moderating and mediating roles of peer and sibling relations in mental health. *International Journal of Behavioral Development*, 2010. Vol. 34, pp. 554–563. DOI: 10.1177/0165025410368943
17. Qeshta H., Hawajri AMA, Thabet AM. The Relationship between War Trauma, PTSD, Anxiety and Depression among Adolescents in the Gaza Strip. *Health Sci J*, 2019. Vol. 13, no. 1. 13 p. DOI: 10.21767/1791-809X.1000621
18. Thabet A., EL-Buhaisi O., Vostanis P. Trauma, PTSD, Anxiety, and coping strategies among Palestinians adolescents exposed to War on Gaza. *The Arab Journal of Psychiatry*, 2014. Vol. 25, no. 1, pp. 71–82. DOI: 10.12816/0004117
19. Thabet AAM, Thabet SS. Coping with trauma among children in South of Gaza Strip // *Psychology and Cognitive Sciences*, 2017. Vol. 3 (2), pp. 36–47. DOI: 10.17140/ PCSOJ-3-122
20. Tyano S. Post-traumatic stress disorder in Israeli children. *Bulletin of the Board of International Affairs of the Royal College of Psychiatrists*, 2003. No 2, pp. 7–8. DOI: 10.1192/S1749367600006421
21. Wietse A.T., Song S., Jordans M.J.D. Annual Research Review: Resilience and mental health in children and adolescents living in areas of armed conflict – a systematic review of findings in low- and middle-income countries. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2013. Vol. 54, no. 4, pp. 445–460. DOI: 10.1111/jcpp.12053.

Информация об авторах

Ульянина Ольга Александровна, доктор психологических наук, доцент, руководитель Федерального ресурсного центра психологической службы в системе образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ); член-корреспондент РАО, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», профессор: Факультет социальных наук Департамента психологии НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация, ORCID:0000-0001-9300-4825 e-mail: uyaninaoa@mgppu.ru

Александрова Лада Анатольевна, кандидат психологических наук, ведущий аналитик Федерального ресурсного центра психологической службы в системе образования, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3539-8058 ladaleksandrova@mail.ru

Дмитриева Светлана Олеговна, кандидат искусствоведения, магистр психологии, ведущий аналитик Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, доцент Государственного университета «Дубна» г. Дубна, Российская Федерация. ORCID: 0009-0000-1012-5948, e-mail: dmitrievaso@mgppu.ru

Information about the authors

Olga A. Ulyanina, Doctor of Psychology, Corresponding member of the RAE, Head of the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: ulyaninaoa@mgppu.ru

Lada A. Aleksandrova, PhD in Psychology, Leading Analyst of the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, associate professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3539-8058>, e-mail: Ladaleksandrova@mail.ru

Svetlana O. Dmitrieva, PhD in Art History, Master of Psychology, Leading Analyst of the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Associate Professor of Dubna State University, Dubna, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1012-5948>, e-mail: dmitrievaso@mgppu.ru

Получена 02.10.2023

Received 02.10.2023

Принята в печать 25.12.2023

Accepted 25.12.2023